

знакомящие специалистов с современными точками зрения вьетнамских ученых по данной теме. Обе книги содержат ценный иллюстративный материал. Как представляется, рассматриваемые монографии не должны остаться без внимания специалистов по истории и этнографии соседних с Вьетнамом стран, а также всех интересующихся проблемами древней этнокультурной истории Юго-Восточной Азии.

Примечания

¹ *Van Trong*. New knowledges on Dongson culture from archaeological discoveries these twenty years. Papers presented at the 14th Scientific Pacific Congress held at Khabarovsk (USSR). VIII–IX. 1979.

² Подробнее о В.В. Голубеве см.: *Решетов А.М.* В.В. Голубев – выдающийся исследователь культуры народов Юго-Восточной и Южной Азии // Нусантара. Юго-Восточная Азия. Сб. материалов 1998/99 и 1999/2000 акад. годы. СПб., 2000. С. 69–76.

³ *Борисковский П.И.* Первобытное прошлое Вьетнама. М., 1966. С. 163.

⁴ *Ле Ван Лан, Фам Ван Кинь, Нгуен Линь.* Первые следы эпохи бронзы во Вьетнаме. Ханой, 1963. С. 283. См. также: *Чеснов Я.В.* Историческая этнография стран Индокитая. М., 1976. С. 39.

⁵ *Решетов А.М.* К вопросу об этнической принадлежности насельников культуры Шичжайшань // Этническая история и современное национальное развитие народов мира. Тез. докл. на конф. молодых научных сотрудников и аспирантов. М., 1967. С. 89–91.

⁶ *Мухлинов А.И.* Происхождение и ранние этапы этнической истории вьетнамского народа. М., 1977.

⁷ *Чеснов Я.В.* Указ. соч.

⁸ *Деоник Д.В.* История Вьетнама. Ч. I. М., 1994.

⁹ Там же. С. 29.

¹⁰ *Чеснов А.В.* Указ. соч. С. 36–37.

В.Р. Атнашев, А.М. Решетов

© 2002 г., ЭО, № 5

История и археология Дальнего Востока. К 70-летию Э.В. Шавкунова. Владивосток, 2000. 214 с.

Лучшая из научных традиций отметить юбилей ученого – это специально, по торжественному случаю подготовить, издать и с благодарностью за его труды преподнести ему книгу со статьями соучеников, коллег и учеников. Всем нам понятно, как нелегко это сделать в нынешних условиях. Тем не менее эту благородную миссию успешно выполнили ответственные редакторы сборника, посвященного 70-летию со дня рождения известного российского археолога, этнографа и историка доктора исторических наук профессора Эрнста Владимировича Шавкунова. Это д.и.н. Н.Н. Крадин, к.и.н. А.А. Круленко и д.и.н., проф. В.В. Савастеев. В сборнике по приглашению редакторов приняли участие соученики Э.В. Шавкунова по Ленинградскому государственному университету, коллеги из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Улан-Удэ, Владивостока, из Китая и Японии, а также ученики Э.В. Шавкунова. В сборнике широко представлены статьи по археологии, палеоэтнографии, этнографии и истории народов отечественного и зарубежного Дальнего Востока.

Сборник открывается статьей, посвященной юбиляру: «Эрнст Владимирович Шавкунов: мечта, воплощенная в реальность» (автор Н.А. Ключев, г. Владивосток). В ней излагаются основные вехи творческого пути ученого. Э.В. Шавкунов родился 23 марта 1930 г. в Смоленске в семье военного. После окончания школы он в 1950 г. поступил на отделение истории Китая кафедры истории стран Дальнего Востока восточного факультета Ленинградского государственного университета. Среди преподавателей, чьи лекции слушал Эрнст Шавкунов, были акад. В.В. Струве, профессора Г.В. Ефимов, Н.В. Кюнсер, И.П. Петрушевский и др. Во время летних каникул он побывал в археологической экспедиции под руководством Н.Н. Дикова на Ангаре, а затем с А.П. Окладниковым на Дальнем Востоке. Романтика полевой археологической работы, успешные находки и открытия увлекли Эрика, и диплом он уже писал по археологии под руководством Н.В. Кюнсера и А.П. Окладникова. После окончания университета 27 июня 1955 г. он во Владивостоке был принят на должность старшего лаборанта отдела истории Дальневосточного

филиала Сибирского отделения АН СССР, с 1 мая следующего года он – младший научный сотрудник, а с 23 мая 1964 г. – старший научный сотрудник того же отдела. 17 декабря 1962 г. на основании преимущественно собственных материалов им успешно защищена кандидатская диссертация на тему «Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье», которая была издана в 1968 г. в Ленинградском отделении издательства «Наука». 20 мая 1965 г. Э.В. Шавкунов возглавил лабораторию археологии, с 29 мая 1970 г. он – заведующий сектором отдела, а после преобразования в 1971 г. отдела в Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока стал заведующим сектором средневековой археологии этого института. Э.В. Шавкунов в 1984 г. успешно защитил докторскую диссертацию по теме «Культура чжурчженей-удэ и проблема происхождения тунгусоязычных народов Дальнего Востока» (утверждена ВАК в 1985 г.). С 18 апреля 1992 г. он – ведущий, а с 22 июня 1993 г. – главный научный сотрудник. С 10 января 1994 г. Эрнст Владимирович работает в Дальневосточном государственном университете, где возглавляет кафедру археологии, этнографии и мировой культуры.

За годы деятельности Э.В. Шавкунова на Дальнем Востоке им в ходе раскопок открыты десятки археологических памятников от периода палеолита и до средневековья. Им опубликованы две монографии и множество статей в различных научных изданиях. Его статьи печатались в журнале «Советская этнография». Имя и труды Э.В. Шавкунова широко известны не только в нашей стране, но и за рубежом. Он принимал активное участие в различных региональных, всесоюзных и международных научных форумах. Им воспитаны кадры молодых археологов, из которых свыше 10 защитили кандидатские диссертации. Дополнением к этой вводной статье служит библиографический список работ Э.В. Шавкунова, насчитывающий более 280 названий книг и статей.

Вторая статья, посвященная Э.В. Шавкунову в этом сборник, – это статья И.В. Можейко (г. Москва) «Фантастическая Шайга», опубликованная почти 30 лет назад и рассказывающая об одном из выдающихся археологических открытий на Дальнем Востоке, непосредственно связанном с деятельностью Э.В. Шавкунова – открытии Шайгинского городища. Представляется, что составители сборника могли бы вернуться к этой теме, используя как последующие исследования первооткрывателя Шайги, так и работы других дальневосточных археологов. Это было бы вполне логично, особенно учитывая достижения приморских ученых, среди которых немало молодежи, в том числе учеников Э.В. Шавкунова, уже в достаточной мере проявивших себя, продемонстрировавших свои способности к полевой работе и обобщению накопленных научных материалов. Это положение подтверждается знакомством со статьей молодого владивостокского археолога В.Э. Шавкунова (кстати, сына юбиляра), с детства приобщенного им к полевой работе. В его исследовании «Средневековые городища южной части Приморского края» не только дается обзор основных групп средневековых городищ Приморья, но и предпринимается попытка, с нашей точки зрения, вполне удачная, классификации этих городищ по хронологическому принципу.

В работе В.Е. Медведева (г. Новосибирск) «Поселение Перевал на юге Приморья» рассматриваются результаты раскопок автора на поселении Перевал, которые позволили обогатить знания о генезисе и истории неолитических культур Приморья и Приамурья.

С.А. Коломенец (г. Владивосток) в статье «Керамический комплекс многослойного памятника Сенькина Шапка» исследует керамическую коллекцию этого известного археологического памятника, который изучался в 1955–1956 гг. Как показывают результаты исследования, памятник Сенькина Шапка имеет следы пяти периодов заселения: неолит, бронза, кроуновская культура, польцевская (ольгинская) культура и эпоха государства Бохай, причем, как считает автор, наиболее интенсивно территория Сенькиной Шапки заселялась в эпоху бронзы.

Привлекает внимание статья С.П. Нестерова (г. Новосибирск) «Современное состояние изучения раннесредневековых памятников в бассейне реки Амур». Данная статья полезна прежде всего историографическим обзором, позволяющим составить представление о взглядах разных авторов на состав, хронологию и этническую принадлежность археологических культур бассейна Амура. Говоря о перспективах соотношения археологических культур с этносами, упоминаемыми в китайских исторических источниках, и определения языковой принадлежности носителей тех или иных культур, автор пишет, что «основной задачей дальнейшего изучения летописных племен является уточнение ареалов их проживания в Приамурье и соотнесение с известными на этой территории археологическими культурами» (с. 136). При этом, как и в опубликованной ранее монографии «Народы Приамурья в эпоху раннего средневековья» (Новосибирск, 1998), автор касается вопроса о тюркском и киданьском влиянии на средневековые культуры Приамурья.

Э.В. Шавкунов внес значительный вклад в изучение государства Бохай и его населения. Поэтому естественно, что бохайская тема поднимается и на страницах юбилейного сборника.

Ю.Г. Никитин (г. Владивосток) в работе «Население долины р. Суйфун в предгосударственный период» отмечает, что к моменту образования государства Бохай в долине р. Суйфун имелись все условия для включения этой территории в состав бохайского государства, в частности наличие большого количества населения, занятого земледелием на плодородных и разработанных земельных угодьях, а также высокий уровень социального развития данной территории.

В статье Е.И. Деревянко (г. Новосибирск) «Бохай и Приамурье» излагаются результаты раскопок могильника Хунцзунъюйчан (пров. Хэйлунцзян, КНР), материал которых имеет аналогии в памятниках тюркского и мохэского времени на левобережье Амура. Автор статьи указывает, что Амур не был этническим разделителем, а, напротив, соединял два круга культур, весьма сходных друг с другом. Заметим, что такая мысль по поводу бассейнов крупных рек становится весьма популярной среди археологов, историков и этнографов.

Китайские ученые Сунь Дзиньцзи, Ай Шэнъю и Чжуан Янь в статье «Этническое происхождение бохайцев» пытаются решить вопрос о соотношении двух известных истоков бохайского этноса – сумо мохэ и когуре. Авторы полагают, что этнос вэймо, зафиксированный китайскими источниками, – одна из ветвей сумо мохэ; на связь же с когуресцами указывает ремарка источников, согласно которой бохайцы – «особый род гаоли».

Тема связи памятников бохайского времени с древней Кореей поднимается и в ряде других исследований, представленных в сборнике. Так, Е.И. Гельман, В.И. Болдин и А.Л. Ивлиев (г. Владивосток) в статье «Раскопки колодца Краскинского городища» описывают уникальный археологический объект – колодец бохайского времени, сходный с колодцем Верхней столицы Бохая и когуресским колодцем, найденным в Пхеньяне. Внимание авторов привлекает уникальная находка, сделанная при раскопках колодца, – хорошо сохранившаяся деревянная чаша бохайского времени. В.И. Болдин в статье «Бохайские гончарные печи (по материалам Корсаковского селища)» характеризует гончарные мастерские и гончарные печи, которые имеют аналогии с гончарными печами Краскинского городища, печами для обжига черепицы из-под Верхней столицы Бохая (городище Дунцинчэн), а также с теми гончарными печами, которые были известны в государстве Корё и сохранялись на Корейском п-ве вплоть до XX в.

Ряд статей сборника посвящен этнокультурным связям средневекового населения Приморья с соседями. В статье Ю.М. Васильева (г. Владивосток) «Холодное оружие Покровской культуры» даются описание и типология образцов вооружения покровской культуры, или культуры амурских чжурчжэней, которые вносят много ценного в изучение оружия народов Приамурья и Приморья в средние века и позволяют связывать археологические материалы с предметами вооружения из этнографических коллекций. В этой статье отмечается, что типы мечей, представленные в археологическом материале Приморья, свидетельствуют о связях населения покровской культуры с тюркским миром (с. 146).

Японский исследователь Исао Усуки в статье «Mokhe-Jurchen type rectangular belt ornaments» исследует типологию прямоугольных поясов мохэской и покровской археологических культур, которая дополняется их эволюционной хронологией.

В статье Н.В. Леценко (г. Владивосток) «Предметы из кости и дерева в хозяйстве и быту чжурчжэней» продолжается систематизация костяных и деревянных изделий из памятников средневекового Приморья, а также рассматриваются особенности технологии их изготовления как отдельной области домашнего производства, обслуживающего семейные потребности.

В статье В.А. Хорева и О.С. Галактионова (г. Владивосток) «Необычный предмет оружия с Ананьевского городища» описывается предмет, интерпретируемый авторами как оружие ударного действия.

Проблему тюркизмов в чжурчжэньском языке рассматривает А. М. Певнов (Санкт-Петербург). По его мнению, чжурчжэньский язык – один из маргинальных представителей тунгусо-маньчжурской языковой семьи и выступает в ней в качестве самого раннего известного звена, ныне уже не существующего. Население, говорившее на нем, очевидно, подверглось ассимиляции. В чжурчжэньском языке много заимствований. В лексике больше всего заимствований неизвестного происхождения, немало слов пришло в чжурчжэньский из китайского и монгольских языков. Есть в нем также небольшое число лексических заимствований из тюркских языков. Отчасти они уже известны, некоторые же предлагаются автором статьи, при этом особо подчеркивается гипотетический характер таких сравнений (надежных сравнений здесь пока очень мало).

Чжурчжэньские тюркизмы относятся к разным эпохам. Имеются среди них и такие, которые отсутствуют как в маньчжурском языке, так и во всех прочих тунгусо-маньчжурских языках. Очевидно, как считает автор, наличие такого рода «эксклюзивных» тюркизмов свидетельствует о том, что чжурчжэньский язык не является предком маньчжурского, о чем свидетельствуют некоторые различия в морфологии и лексике этих языков. Автор приходит к выводу о том, что культурные, а, может быть, и этнические контакты с тюрками оставили пусть и не глубокий, но все-таки заметный след в чжурчжэньском языке.

А.Л. Ивлиев (г. Владивосток) в статье «Шайгинская пайцзы в свете данных японской летописи» сравнивает текст пайцзы, известной по японским историческим источникам, и текст пайцзы, найденной Э.В. Шавкуновым на шайгинском городище. Автор статьи полагает, что данные японской хроники подтверждают трактовку шайгинской пайцзы как официального документа Восточного Ся. Не оспаривая этого вывода, стоит отметить, что работа А.Л. Ивлиева является вместе с тем и хорошей иллюстрацией того, насколько несовершенны и спорны тексты, записанные знаками чжурчжэньского письма: они постоянно дают повод к пересмотру в чтении слов и знаков, а результаты их филологической проработки не свободны от неточностей.

Как нетрудно заметить, все указанные выше статьи археологов и палеоэтнографов представляют несомненный интерес для этнографов, изучающих этногенез, этническую историю, этнокультурные связи народов Дальнего Востока. Они помогают проследить формирование и развитие хозяйственной деятельности населения этого региона, выявить исторические корни того или иного объекта, изучаемого этнографами. Так, в статье С.Г. Кляшторного (г. Санкт-Петербург) «Древнетюркская религия в памятниках рунической письменности» анализируются древнетюркские мифы и пантеон. Автор полагает, что генеалогические сюжеты составляют наиболее архаичный слой тюркской мифологии, а мифы о каганах возникают относительно поздно, но не позднее VI в. н.э. – в уже сложившемся тюркском государстве. По его мнению, та религиозно-мифологическая система, которая традиционно рассматривается как древнетюркский пантеон, сформировалась в законченном виде еще до середины I тыс. н.э (с. 98), и с этим заключением вполне можно согласиться.

С этнографических позиций рассматривают свои сюжеты также и другие авторы статей сборника. Исследование В.Е. Ларичева (г. Новосибирск) «Воплощения времени (к проблеме информационных традиций в первобытном искусстве)», как и многие другие труды того же автора, посвящено извлечению календарной и астрономической информации из произведений искусства охотников каменного века, эпохи бронзы и эпохи раннего железа. Автор отыскивает в зооморфных изображениях, широко представленных в различных археологических памятниках Сибири и других регионов, элементы солнечного и лунного циклов. Возможно, не все из интерпретаций конкретных предметов, предлагаемых В.Е. Ларичевым, бесспорны, однако нельзя не признать того, что работы этого автора значительно расширили представления исследователей об астрономических и календарных знаниях в эпоху каменного века.

Т.Д. Скрынникова (г. Улан-Удэ) в статье «Семантика керексуров» обращается к теме сакральной функции оленных камней и особых сооружений-керексуров. Исследовательница предполагает, что идейные камни и керексуры были связаны с культом Солнца, а кроме того, керексуры – вместилище сур – сакральная субстанция и компонент ритуального оживления предка (с. 78). Плиточные же могилы были связаны с культом Земли. Для обоснования своего взгляда на предмет автор проявляет недюжинную эрудицию, приводя разнообразные параллели из многих архаических и традиционных культур, однако все же основные выводы статьи выглядят не вполне убедительно: вспоминается расхожее археологическое утверждение, что сакральным признается все, что не получает более или менее убедительной утилитарной интерпретации. Вероятно, проблема керексуров требует дальнейшего осмысления.

Н.В. Кочешков (г. Владивосток), анализируя тунгусские элементы в культуре аборигенов Нижнего Амура, главное внимание обращает на выявление аналогий между элементами культуры народов Приамурья и теми культурными чертами, которые он рассматривает как древнетунгусские. Следует отметить, что и интерпретация материала, и сам подход автора к проблеме и к материалу вызывают настороженность: автор, ссылаясь на А.Ф. Миддендорфа, Л.И. Шренка и С.М. Широкогорова, отмечает, что культуры народов Нижнего Амура образовались в результате скрещения местного субстрата с культурой пришлого тунгусского населения. Напомним, что сходные позиции в отношении этногенеза некоторых тунгусских народов занимала одно время и Г.М. Васильевич, в трудах которой эвенки в Приамурье представлены как довольно поздние пришельцы. Данный взгляд на этногенез и этническую историю тунгусоязычных народов Нижнего Амура следует признать устаревшим: ни нанайский, ни ульчский, ни орокский, ни удэгейский или ороцкий языки не являются механической смесью тунгусских (эвенкийских) и «местных» (нестунгусских) языковых элементов – эти языки формировались как составные части родословного древа тунгусских языков. Иноязычное же влияние (маньчжурское и монгольское) в них отмечается в довольно малой степени, а признаки контактирования этих языков с тюркскими языками и следы палеоазиатского (в основном чукотско-корякского, в отдельных примерах – эскимойного) субстрата обнаруживаются в этих языках как единичные и не всегда бесспорные примеры. Вместе с тем, нельзя исключать и того очевидного факта, что ряд групп нанайцев (кур-урмийские, горинские) и отчасти орокский этнос уже на Сахалине испытали на себе вторичное эвенкийское влияние, что не могло не отразиться на культуре этих этнических групп. Одновременно с этим, видимо, вторичные разнохарактерные этнокультурные связи между различными этносами Приамурья могли обусловить иррадиацию каких-то образов фигуративного искусства и особенно узоров от одного этноса к другому. Заслуживает внимания тезис автора о том, что тунгусские племена могли принимать участие в формировании нивхского этноса, на что, в частности, по нашему мнению, указывают и данные истории нивхского языка и его диалектов.

Теоретическим подходом к рассматриваемым проблемам характеризуются исследования владивостокских ученых А.М. Кузнецова и Н.Н. Крадина. В последние годы А.М. Кузнецов много сделал для пропаганды научного наследия российского этнографа С.М. Широкогорова. В статье «Шаманизм как антропологическая проблема» А.М. Кузнецов проявил интересный и не вполне традиционный для отечественной этнологии подход к шаманской практике как средству воздействия на психику человека, где главное место занимает психическая техника шаманов. Автор, как и С.М. Широкогоров, полагает, что в основе шаманской практики лежат те приемы и средства воздействия на психику человека, которые были отобраны и сохранены в процессе эволюции кроманьонцев. Следует признать, что данный взгляд на проблему

шаманской техники базируется на традиции и имеет право на существование и в наши дни, тем более, что именно этот аспект шаманства становится наиболее привлекательным не только для исследователей, но и для широкой публики (ср. русский перевод книги М. Харнера «Путь шамана». М., 1994).

Н.Н. Крадин хорошо известен как глубокий и оригинальный исследователь кочевых обществ. На этот раз его внимание привлёк общественный строй жужаньского каганата. Он рассматривает социальную структуру общества жужаней, предпосылки образования и функционирование административно-политической системы жужаньского каганата, специфику престолонаследия и отношения власти, а также особенности отношений каганата с китайскими царствами IV–V вв. н.э. Автор считает каганат своего рода «кочевой империей», представлявшей собой сильно милитаризованное общество с захватническими устремлениями, задачей которого было исключительно изъятие прибавочного продукта у соседних народов и государств. Однако, по мнению автора статьи, жужаньское общество не может считаться государством, поскольку для него не характерны или во всяком случае не отмечены источниками ни внутренние эксплуатация непосредственных производителей, ни налоги, ни развитый бюрократический аппарат. Этими признаками степные общества значительно отличаются от античных городов-государств, восточных деспотий и феодальных королевств Европы. Автор считает несправедливым взгляд на историю жужаньского каганата как на переход раннефеодального централизованного государства к следующей стадии феодализма и отмечает, что история степных обществ Евразии более корректно может анализироваться в рамках многолинейной теории социальной эволюции.

Четыре статьи сборника посвящены проблемам историографии, источниковедения и истории. Е.И. Кычанов (г. Санкт-Петербург), крупнейший современный отечественный тангутовед, представил в сборник статью, в которой дается характеристика и анализ современного состояния текстологии тангутских памятников, отмечаются основные достижения в этой области знаний и указываются наиболее крупные исследовательские публикации. В исследовании Ю.Л. Кроля (г. Санкт-Петербург) «Correlative thinking and the Histories of Ssu-ma Ch'ien and Pan Ku» (с. 53–71) сравнивается изложение двух великих китайских историков, на основании чего автор делает вывод, что Бань Гу многое перенял у своего выдающегося предшественника Сыма Цяня.

В статье В.И. Совастьяна (г. Владивосток) «Основные этапы развития политической культуры Японии в XIX–XX вв.» изучаются специфические черты японской политической мысли названного времени, а именно стремление к консенсусу в выработке политического курса, сильные начала авторитаризма и особая природа лидерства, в котором приглушено личностное начало: для Японии не характерен западный тип лидерства с доминированием сильной, волевой, инициативной личности. и лидеры такого типа появляются здесь только в конце XX в. В статье С.М. Жучковой (г. Владивосток) «Зарождение и начало политических партий Японии в эпоху Мэйдзи» прослеживаются особенности деятельности политических партий Японии конца XIX в. Эти партии обычно следовали не фундаментальным принципам своих программ, а исходили из ситуативной целесообразности и выгоды в борьбе за власть, и их целью было не благополучие нации, а служение местным избирательным округам или соответствующим деловым кругам.

Заканчивая обзор статей рецензируемого сборника, хочется особо отметить большую роль в его подготовке Н.Н. Крадина, которому также принадлежат компьютерный набор и верстка издания.

Сборник статей, изданный издательством Дальневосточного университета к юбилею Э.В. Шавкунова, представляет большой интерес для этнографов, археологов, историков, занимающихся культурами народов Сибири и Дальнего Востока. Он отражает достижения дальневосточных и сибирских ученых последних десятилетий и весьма органично вписывается в парадигму научных публикаций рубежа XX и XXI вв.

И еще одно важное обстоятельство. Коллеги во Владивостоке сделали все для того, чтобы сборник статей был издан непосредственно к юбилею и чтобы Э.В. Шавкунов успел познакомиться с ним. Можно не сомневаться в том, что это издание стало для него приятным подарком, порадовавшим его. 28 октября 2001 г. после тяжелой продолжительной неизлечимой болезни Эрнста Владимировича Шавкунова не стало. Вечная ему память. Невольно вспоминаются слова «Как важно делать все вовремя. Спешите делать людям добро!».

А.М. Решетов, А.А. Бурыкин